УДК 316.42

ГОРИН Д.Г.

Производство социального капитала в российском обществе как фактор управления развитием

В статье рассматриваются роль социального капитала и факторы его воспроизводства и растраты в российском обществе. Анализируя эти факторы, важно учесть, что сетевые структуры могут иметь положительный эффект в накапливании социального капитала. Развитие социального капитала и сетевых структур способно содействовать формированию гражданского общества и сделать управление экономическим и социальным развитием более эффективным.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные связи, сетевая структура, развитие.

Одним из ключевых факторов социально-экономического развития является наличие и состояние социального капитала. В своей работе «Формы капитала» П. Бурдьё продемонстрировал способность одной формы капитала конвертироваться в другую[1]. Например, социальный капитал, выраженный устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного признания, обладает способностью конвертироваться в экономический капитал. В частности, социальный капитал позволяет его обладателям получать всевозможные кредиты, основанные на актуализации реальных или потенциальных ресурсов сети. Как показал Дж. Коулман, социальный капитал способствует достижению таких целей, добиться которых при его отсутствии невозможно[2] . Социальный капитал становится источником экономического роста, поскольку способствует укреплению необходимых для этого правил игры, формирующих устойчивую институциональную среду. В обществах с несформировавшимся или растраченным социальным капиталом будут наблюдаться не только размывание общепризнанных норм, недоверие, апатия и разобщенность, но, как следствие, высокий уровень коррупции, неэффективное управление и кризис стратегий развития.

Состояние социального капитала в современной России вызывает серьезную озабоченность. Проблема доминирующих в практике управления подходов состоит прежде всего в отсутствии способности не только выявлять и умножать социальный капитал, но даже опознавать саму эту проблему. В результате происходит закрепление зависимых от пути предшествующего развития неэффективных институтов и блокирование позитивных изменений. Более того, развитие рынков в условиях слабости социального капитала содержит в себе существенные угрозы. Ю. Хабермас высказывает опасение по поводу сокращения пространства общественной легитимации под влиянием интервенции рынков в те сферы, которые ранее поддерживались либо политически, либо через дополнительные формы коммуникации[3]. Это опасение связано с тем, что рынки невозможно демократизировать, в отличие от органов власти. В российском случае вторжение рыночных отношений в те сферы, которые ранее управлялись административными методами, в условиях слабости социального капитала ведет к переориентации механизма социального действия на разрозненные интересы и к дальнейшей растрате социального капитала.

Вместе с тем наметившиеся признаки осознания формирующимися городскими сообществами своей идентичности и проявление в социальных сетях гражданской активности средних слоев требуют исследования возможностей сетевых структур нового типа в производстве социального капитала.

1. Сущность и функции социального капитала.

Выделение понятия «социальный капитал» происходило по мере осознания значения качества социальных связей и неформальных «правил игры» в экономическом развитии. Уже классическое понимание капитала – как «той части запасов, от которой кто-либо рассчитывает иметь доход» (А. Смит) или как всего того, что предназначено «к снабжению производительного труда предварительными условиями, для него необходимыми» (Дж. Милль) – содержало в себе возможность выделения и более детального описания различных форм капитала. Эта возможность была реализована в XX веке, когда неравномерные траектории развития различных стран пробудили интерес к сравнительным исследованиям условий экономического роста. Оказалось, что универсальные экономические теоремы и законы имеют различное проявление в зависимости от радиуса доверия, принятых в обществе неформальных правил и других факторов, определяющих качество социальных связей. «Предварительные условия» развития в различных странах определялись социальными возможностями инкорпорирования утилитарной эгоистичной этики в процесс производства социальных благ, а следовательно, в процесс достижения общественного благосостояния[4].

Различные методики измерения социального капитала включают в себя выявление социальных норм (прежде всего неформальных), способствующих расширению радиуса доверия и укреплению взаимной ответственности, а также анализ институциональных оснований развития сетей гражданской вовлеченности. Среди наиболее известных примеров измерения социального капитала следует назвать исследование Р. Патнэма[5], в котором анализ состояния социального капитала в различных американских штатах был основан на таких индикаторах, как нормы взаимности, вовлеченность в жизнь сообщества, гражданская активность, благотворительная деятельность, неформальные сообщества (интенсивность контактов с соседями, друзьями), радиус доверия. Ключевым индикатором в большинстве исследований социального капитала является именно радиус доверия, который служит обобщенным показателем качества сотрудничества. В социологических измерениях доверия различают доверие между «знакомыми», доверие между «незнакомыми» и доверие к публичным институтам. К. Эрроу рассматривает доверие как важнейшую характеристику социального механизма, основанного на рыночном обмене[6]. Доверие в выполнении взаимных обязательств лежало в основании не только опережающего экономического развития стран Запада[7], но и успешной модернизации незападных стран.

Среди основных выгод, получаемых в результате развития социального капитала, следует назвать возможность создания в обществе более широких социальных идентичностей, снижение утечки кадров и неформальные возможности повышения квалификации (за счет неформальных каналов передачи социального и профессионального опыта), существенное облегчение и удешевление социального контроля, развитие широких оснований солидарности и снижение издержек на функционирование бюрократической машины. Управление, основанное на принципах транспарентности и подчинения общественному благу, создает основу для гражданского участия и становится более эффективным. Кроме того, развитие социального капитала позволяет социальным группам и некоммерческим организациям брать на себя ответственность в обеспечении социальной защиты, предоставлении услуг в области образования, здравоохранения и других сферах. В результате органы власти и управления получают возможность опираться на социальную самоорганизацию в реализации социально значимых проектов, что уменьшает издержки на управление и повышает результативность принимаемых мер.

2. Состояние социального капитала в России: зависимость от предшествующего пути развития.

Низкие индексы доверия граждан основным институтам, гражданская апатия и высокий уровень политической и экономической несвободы, размытость ценностей развития – все это свидетельствует не только о слабости социального капитала, но и о некоторых политических решениях, прямо или косвенно ведущих к блокированию его развития. Россия занимает одну из пос-

ледних позиций в индексе восприятия коррупции, составляемом организацией Transparency International, российская экономика классифицируется как «в основном несвободная», отставая в «Индексе экономической свободы» Heritage Foundation/Wall Street Journal даже от Гаити.

Одна из причин блокирования развития социального капитала в России состоит в дестабилизации правил игры, вызванных противоречиями между формальными и неформальными нормами. Современное состояние нормативной системы регуляции российского общества в значительной степени определяется логикой распада советского проекта. В советском обществе роль властной регуляции повседневных отношений была критично высока. Поскольку легально признаваемые нормы были фактически огосударствлены и идеологизированы, они распадались вместе с распадом государственности. В условиях неопределенности 1990-х годов основными регуляторами социальных взаимодействий становились именно те нормы, которые ранее обладали относительной автономностью от государственных структур, т.е. регулировали теневые сферы советского общества. В поздний советский период основанное на товарно-денежных отношениях потребительское поведение в значительной мере реализовывало себя в нелегальных или полулегальных формах спекуляции, блата[8] и «черного рынка»[9]. Эти формы свободной от властного влияния неформальной нормативности сохраняют свое значение и в постсоветских условиях. Осуждение потребительства в контексте коммунистической идеологии строилось на придании ему антигосударственного характера. Поэтому неудивительно, что освобождение от всепроникающего влияния государства на закате Советского Союза также основывалось на слиянии антикоммунистических настроений с потребительскими. Потребительский идеал, таким образом, изначально рождался в теневой сфере, не затрагивавшей отношения между властью и обществом.

Другая причина слабости социального капитала состоит в тенденции коммерциализации социальных связей. По мере развития рыночных отношений возрастала также и роль денежных регуляторов, которые в условиях неопределенной институциональной среды стали вытеснять регуляторы, основанные на структурах взаимного сотрудничества и солидарности. Однако эффективность денежных инструментов в том или ином обществе всегда зависит от состояния социального капитала. Не следует забывать, что в истории России (в том числе и в постсоветский период) денежные инструменты никогда еще не позволяли власти и обществу выстраивать эффективный взаимный контроль и создавать относительно прозрачные механизмы регуляции. В 90-е годы минувшего столетия значительные пласты социальных взаимодействий оставались непроницаемыми для финансовых и административных регуляторов. Многомесячные невыплаты мизерной зарплаты, выживание за счет теневой самоорганизации, натурализации хозяйств, непрозрачного бартера и «черного нала» способствовали слиянию денежных инструментов с искаженным и фрагментированным социальным капиталом, накапливавшимся в разобщенных теневых сферах.

Сегодня деньги, оказавшись мощным ресурсом, позволяющим манипулировать социальными связями, так и не стали (и не могли стать) силой, способной «запустить» публичное согласование интересов различных социальных групп (бизнеса и власти, производителей и потребителей, работодателей и работников). Более того, коммерциализация социальных связей в условиях непрозрачности правил игры создает существенные риски и блокирует развитие. Богатство в России часто воспринимается с точки зрения не инвестирования, а потребления[10], что затрудняет его конвертацию в возможность создания широких социальных перспектив. Поэтому условия для роста социального капитала невозможно создать, опираясь лишь на фискальные механизмы.

В свое время идеологическая борьба Советского государства разворачивалась в пространстве, которое не пронизывалось прозрачными финансовыми регуляторами. А советское общество научилось выживать в нишах, свободных от властного влияния, и организовывать собственное потребление в условиях всеобщего

осуждения потребительства. Обретение фискальных механизмов в постсоветской России происходило поверх уже сложившихся теневых структур, а построение вертикали власти осуществлялось вне развития гражданской самоорганизации. Возможно, отсюда несовместимость риторики власти с ее действиями и несовпадение функционирования денежных инструментов с морально-нравственными нормами. Такое невнятное состояние общества в краткосрочной перспективе может быть вполне устойчивым, но оно не может быть основой для инновационного развития.

3. Сетевые структуры в развитии социального капитала.

Исследованию возникновения и умножения социального капитала может способствовать обращение к анализу роли сетевых структур, которые демонстрируют возможности создания условий для спонтанного развития доверительных отношений[11]. В отличие от рынка, где система ценностей размывается, социальные сети структурируются вокруг идеи причастности и разделяемых ценностей. А в отличие от формального холода города, сети трансформируют слабые личные связи в сильные коммуникативные связи, организующиеся вокруг современного сетевого индивидуализма[12]. Поэтому вполне логично было бы предположить, что после распада общинной структуры гемайншафта и периода «отчуждения» и «атомизации» городского общества (гизельшафта) возможно рождение новой общности, основанной на соседстве в электронных сетях и новом социальном капитале. В разрастающейся Интернет-экономике, например, само соединение (т.е. социальная связь) оказывается важнее, чем предмет этого соединения. И поскольку потребительская стоимость определяется через «соединительную стоимость», более актуальным оказывается уже не marketing, a societing. Основным условием поддержания любого виртуального сообщества в сферах потребления, общения, взаимопомощи и производства оказывается commitment – взаимное обязательство, заинтересованность, соучастие.

Примеров проявления социального капитала в сетях достаточно много. Это сетевая журналистика, многочисленные вики-проекты, новая клубная экономика и экономика бесплатного, сервисы вопросов и ответов, системы оценок и отзывов, рынки предсказаний и рекомендательные системы. Всё это работает уже сегодня и основано на социальном капитале и коллективной мудрости. Дж. Шуровьески выдвинул теорию «мудрости толпы» («the wisdom of crowds»), согласно которой группа, при определенных условиях, может принимать решение лучше, чем любой отдельно взятый ее участник[13]. Социальные эффекты сетевой самоорганизации стали более заметны в связи с переходом к web 2.0 и web 3.0. Технологии работы с контентом усиливаются сегодня именно за счет коллективного разума и закрепления паутины коллективной активности всех пользователей. Дальнейшая эволюция электронных сетей будет происходить в направлении еще большего повышения роли пользователей, которые уже не только создают контент, но и сами его рейтингуют и фильтруют. Это позволяет на принципиально новом уровне работать с информацией и по-новому организовывать социально-экономические практики[14]. Социальные сети, таким образом, в новых условиях могут способствовать закреплению неформальных правил игры, поддерживающих взаимное доверие и сотрудничество, инициирующих общественное участие и развитие самоуправления.

Одним из ключевых источников развития социального капитала является гражданское общество. Взаимодействие гражданского общества, государства и рынка способно создать мощный синергичный эффект. Однако российская практика показывает, что усилия власти по «формированию» гражданского общества «сверху» не только не конвертируются в социальный капитал, но и разрушают его. Поэтому успех могут принести иные технологии, задействующие не вертикальные, а горизонтальные социальные связи, структурируемые по сетевому принципу. В современной России социальные сети уже оказались не только формой накапливания социального капитала, но и фактором развития гражданской активности.

Использование сетевых структур в решении общественно значимых проблем локального характера способно привести к существенным результатам в местном самоуправлении. Исследования показывают, что разви-

тие гражданской активности и сотрудничества легче всего запускается в небольших сообществах на местном уровне. Местные сообщества являются ограниченными, стабильными и сравнительно однородными. Спонтанное создание доверия, например, более вероятно между соседями и друзьями, чем в больших социальных группах. Социальный капитал в этом смысле можно рассматривать как условие для производства местных общественных благ. Как замечает В. Глазычев, его опыт работы в пятнадцати субъектах Приволжского федерального округа показал, что условия, позволяющие запустить технологии самоорганизации на местном уровне, есть везде. Он утверждает, что во всех населенных пунктах, которые он обследовал, обнаруживается активное меньшинство (не меньше 2,5% населения). Это означает, что из тысячи человек всегда можно найти несколько десятков, способных к конструктивной самоорганизации[15].

Привитию ценностей сотрудничества может способствовать сфера образования. Учреждения профессионального образования и профессиональной переподготовки взрослых могут создавать новые сетевые связи, способствуя не только повышению уровня знаний, но и предпринимательству или общественной активности. Как отмечает Ф. Фукуяма, «социальный капитал нередко является продуктом особого типа образования»[16]. По его мнению, профессиональное образование способствует передаче не просто знаний и умений, но также моральных норм, обеспечивающих приоритет профессиональных стандартов. Современное социально-гуманитарное образование призвано обучать профессионалов, работающих в разных сферах, гуманитарным и социальным технологиям, что позволяет оживлять и воспроизводить социальные взаимодействия. Современный человек должен знать, что такое социальная жизнь, как в ней участвуют люди и как возможно гражданское участие. Одной из важных компетенций современного образованного профессионала и гражданина является умение работать в социальных сетях.

Инновационное развитие основывается не только на новых технологиях, но прежде всего на качественных социальных связях, взаимной поддержке и доверии. Инновационная среда создается сетями, соединяющими исследователей, инвесторов, производителей и потребителей. Поэтому в управленческих практиках необходимо преодоление тейлоризма, основанного на жестких формальных правилах и иерархических структурах власти, исключающих личные связи и доверие. Инновационное развитие (особенно внедрение инноваций в производственный процесс) требует от работников новых знаний, получение которых во многом происходит благодаря неформальным связям и взаимному обмену.

Роль государства в развитии социального капитала требует особого уточнения, поскольку органы государственной власти и управления могут не только создавать условия для развития социального капитала, но и разрушать его. Как отмечает Ф. Фукуяма, с одной стороны, активное вмешательство государства в социальные взаимодействия разрушает социальный капитал (как это было в странах социалистического лагеря или, например, во Франции, где централизованный государственный аппарат брал на себя слишком много функций). Такое вмешательство в долгосрочной перспективе негативно влияло на возможность добровольного сотрудничества между людьми. Но с другой стороны, отсутствие усилий государства по обеспечению базовых формальных правил (верховенство права, независимый суд) и по предоставлению базовых общественных благ (например, таких, как безопасность на улицах), также является вредным для поддержания социального капитала.

Государственные расходы и размер бюрократического аппарата свидетельствуют о степени доверия к индивидуальному выбору. В случае слабого социального капитала опережающий рост государственных расходов по сравнению с частными ведет к замещению индивидуального выбора административными решениями. В результате сокращается степень экономической свободы и усложняются (бюрократизируются) рыночные трансакции.

* * *

Задача развития социального капитала связана с преодолением экономического детерминизма и стремлений власти поддерживать прежде всего те проекты, которые имеют явные перспективы ком-

мерциализации. Подобно физическому принципу сохранения энергии в социально-экономическом знании формулируется принцип, согласно которому прибыль в одной области неизбежно оборачивается затратами в другой. Поэтому расходы на развитие социального капитала не должны рассматриваться как неперспективные. Социальный капитал является продуктом инвестиционных стратегий (индивидуальных или коллективных), нацеленных на установление или воспроизводство социальных отношений. Производство социального капитала в этом смысле предполагает непрекращающуюся работу по установлению социальных сетей, в которых взаимное признание постоянно утверждается и подтверждается. Поскольку эти усилия предполагают неоплачиваемые затраты времени и сил, то можно говорить о форме конвертации экономического капитала в социальный.

Необходимо формировать представление о значимости неоплачиваемых усилий, направленных на умножение социального капитала, т.е. затрат в форме внимания, заботы, участия, которые в нынешней системе координат часто воспринимаются как бесполезные. С точки зрения логики конвертации различных форм капитала эти неоплачиваемые инвестиции способны давать прибыль, которая в конечном итоге проявится в денежной или какой-то иной форме. Поэтому развитие социального капитала является совместной задачей государства и гражданского общества, необходимым условием эффективного управления инновационным развитием.

---

[1] Бурдье П. Формы капитала. Пер. М.С. Добряковой. Науч. ред. В.В. Радаев // http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital

[2] Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 159–181; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139; Коулман Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 33–40.

[3] Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 58–59.

[4] Bergson A.A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 52. № 2. (Feb., 1938). P. 310–334; то же: http://darp.lse.ac.uk/papersdb/Bergson_(QJE38).pdf; Arrow K. Social Choice and Individual Values. Yale University Press, 1951; Samuelson P. Foundations of Economic Analysis. Harvard University Press, 1947. P. 1–6.

[5] Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon Schuster, 2000.

[6] Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2.

[7] Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2; Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Минск: Пропилеи, 2000. Вып. 4.

[8] Гудков Л., Дубин Б. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3 (59). С. 24–39; Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favors: Blut, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 83.

[9] Экономика развитого социализма: административный рынок, застой и нефть. Интервью с Виталием Найшулем // Неприкосновенный запас. 2007. № 2(52). С. 53–58.

[10] Портер М. Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 65.

[11] Большаков С. Политический концепт сетевого управления. Очерк методологии // Общая тетрадь: Вестник Московской школы политических исследований. 2011. № 1(54). С. 93–101.

[12] Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.

[13] Шуровьески Дж. Мудрость толпы: Почему вместе мы умнее, чем по одиночке, и как коллективный разум формирует бизнес. М.: Вильямс, 2007.

[14] Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. М.: АСТ, 2010.

[15] Глазычев В.Л. Человеческий капитал и социальный капитал // http://www.imi68.info/publ/7-1-0-15

[16] Что такое социальный капитал? Киевская лекция Френсиса Фукуямы // Ежедневная всеукраинская газета День. № 177. http://www.day.kiev.ua/170573/